

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС АЗЕРБАЙДЖАНСКИХ ПОСЛОВИЦ И ПОВОРОК В ФОЛЬКЛОРНОМ ДИСКУРСЕ

Linguistically status of the Azerbaijani proverbs and sayings in the folklore discourse

Folklorik Söylemde Azərbaycan Atasözü və Darbimesellerinin Lengüistik Statüsü

Çiçek EFENDİYEVA*

Gazi Türkiyat, Güz 2017/21: 31-44

Öz: Makalede, Azerbaycan'ın Şeki bölgesine ait "Aşık Sirac ile Bilgisiz'in Atışması" adlı hikâyede kullanılan atasözü ve darbimeseller, diskural-bilişsel açıdan değerlendirilmektedir. Araştırma hedefi içerisinde söz konusu metinde geçen atasözü ve darbimesellerin kullanıldığı söylemler ele alınıp detaylı bir şekilde incelenmiştir. İnceleme esnasında bir yandan konuşma eyleminde kullanılan söylemin dinleyene etkisinden söz edilmiş, diğer yandan ise atasözü ve darbimesellerin hem makro, hem de mikro metne göre gerçekleşen ön ve art gönderimli özellikleri üzerinde durulmuştur.

Anahtar Kelimeler: Atasözü, darbimeseler, söylem, perlokusiya (söylemin dinleyene etkisi), konuşma, bilişsel

Abstract: In this article it is said about the proverbs and sayings given in the tale from the region Sheki "Deyişme (competition between ashugs) between Ashug Siraj and Kamsavad" in the discourse-cognitive aspect. Here the objects of the investigation are the speech acts in which the paremiological units are used. Besides it, in the given article the influence of the speech act (in the folklore medium) on the addressee (perlocutive) is indicated and also the anaphoric and cataphoric features of proverbs and sayings are shown in macro and micro texts.

Keywords: proverbs, sayings, discourse, perlocution, the speech act, cognitive

ВВЕДЕНИЕ

Ныне, в связи с глобализацией многополярной культуры в мире, наблюдается возрастающий интерес к различного рода устойчивым речевым образованиям: афоризмам, молодежному, компьютерному сленгу. Не являются исключением пословицы и поговорки. Этот интерес объясняется, с одной стороны, современным развитием науки и культуры, а с другой стороны, различными образцами устного народного творчества. Ученые пытаются увидеть особую национальную специфику мировосприятия того или иного народа или, наоборот, стремятся выявить общечеловеческие принципы, присущие различным этносам. Ведь язык также является средством отражения этнического мировосприятия. Как известно, в языке и через язык выявляются национальная психология, характер того или иного народа, особенности его мышления и художественного творчества. А паремии, в частности пословицы и

---

* Doç. Dr., Azərbaycan Milli Bilimlər Akademiyası, Müasir Folklor Bölümü, Bakı/AZƏRBAYCAN. cicek@mail.ru
Gönderim Tarihi: 21.07.2017. Kabul Tarihi: 13.09.2017.

поговорки, позволяют лучше понять духовный мир человека, прикоснуться к сокровищнице мудрости. По мнению И.Г. Гамидова, «философское осмысление языка – это одно, а философское осмысление системы паремиологических единиц (концептуальных единиц) – другое. Пословицы – двусторонняя сущность в ипостаси неразрывного единства, общности языкового (сигнификативного) и речевого (денотативного). Это – фундаментальное положение в деле осмысления системы паремий, представляющих язык как орудие общения в виде речи» (2001: 250-251). В данной статье с точки зрения дискурса рассматриваются пословицы и поговорки на фольклорном материале, представляющем собой яркую живую речь жителей одного из азербайджанских регионов, так как «погружаясь» именно в дискурс (художественный, фольклорный, публицистический, разговорный), паремиологические единицы, подвергаясь контекстуальным (дискурсным) и индивидуально-авторским преобразованиям-трансформациям, могут обретать новые иллокутивные цели (коммуникативные намерения) и, соответственно, адекватные или даже противоположные реакции. Актуализация понятия дискурса привело к тому, что пословицы и поговорки стали рассматриваться не только как собственнотекстообразующие знаки, но и «как дискурсивнообразующие единицы, которые могут придавать имплицитные смыслы дискурсу» (Ryadçikova vd. 2003:284).

1. Фольклорный Дискурс И Реализация Перлокуции В Речевом Акте

Именно фольклорный материал наглядно отражает соединение языка, внешнего мира и текста при рассмотрении отношения «автор - текст», которое сегодня определило особую актуальность двух понятий — *дискурса* и *концепта*¹. В лингвистической литературе последних лет, наряду с термином *текст*, появился термин – *дискурс* (от франц. discours - речь) – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах

¹«Концепт (Lat. *conceptus*- мысль, понятие, восприятие), смысловое значение имени (знака), т.е. содержание понятия, объем которого есть предмет (денотат) этого имени. Концепт как центральное понятие когнитивной лингвистики является культурнозначимой единицей, отражающей национально-специфические особенности обозначаемого явления. По своей сути представляющее собой философское понятие, имеющее собирательное значение разных мнений по поводу определенных вещей и проблем. Часто слова *понятие*, *восприятие* или *значение* в лексикологии считаются синонимичными. Данное слово расценивается как мышление и память в узком смысле между говорящим и слушающим, а в широком смысле между Богом и людьми» (FES 1983: 279). Концепт, являющийся одним из основных понятий когнитивного языкознания, анализируется в том же понятийном аспекте, как и концептосфера, менталитет, интеллект и др. понятия (Veysalli 2015: 31-38). Концепт в тюркологии представляет собой «лингвистическое понятие» так же, как и основные понятия когнитивного языкознания - язык, восприятие, знание и мышление (Musayev 2012: 22-23), имеющее определение (Musaoğlu ve Kirişcioğlu 2016: 78).

их сознания, т.е. речь, погруженная в жизнь» (LES 1990: 132-136). По выражению Ю.С. Степанова, «дискурс - это новая черта в облике Языка, каким он предстал перед нами в конце XX века» (1995: 71). Обращаясь к дискурсу, язык предстаёт в своей сложной динамике и сложной взаимосвязи: язык - человек, говорящий на данном языке, дискурс - действительность в сознании говорящего и в языке. Можно констатировать то, что дискурс есть общественно-социальный процесс, в котором имеются тексты; а текст внутри дискурса выражает конкретно осязаемое (Кагаагаç 2013: 713), о котором ниже пойдет речь как сверхфразовое единство.

Таким образом, «изучение дискурса (речевой деятельности) в русле современных лингвистических направлений – психолингвистического, когнитивного, прагматического - позволяет взглянуть на языковые явления в динамике, обусловленной закономерностями речевого мышления и прагматическими факторами речевого общения. Минимальной единицей речевого общения ученые считают речевой акт» (Karasik 1997: 105).

В структуре речевого акта (далее - РА) выделяют четыре уровня: локуция, иллокуция, перлокуция и пропозиция. Под *локуцией* понимают «акт собственно произнесения предложения», под *иллокуцией* - «реализацию коммуникативного намерения» (Каргов 2008: 28). Под *перлокуцией* понимают воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата. При этом имеется в виду «не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания» (Клуцев 2002: 247). «Пропозиция - это особая структура представлений знаний, а носителями этих знаний в тексте являются чаще всего предикатные слова – глаголы, прилагательные, наречия, а также существительные с предикатной семантикой» (Kubryakova vd. 1996: 137). Речевой акт с паремиологическим компонентом рассматривается с позиций теории речевых актов и теории дискурса, что соответствует актуальному в современной лингвистике когнитивному подходу, его семантико- и дискурсивно-когнитивному² направлению.

² Когнитивный (от лат. *cognitio* – знание, познание), познаваемый, соответствующий познанию (FES 1983: 264). Когнитивное направление в лингвистике, самостоятельное возникновение которого обычно связывают с выходом книги Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда «Язык и восприятие», рассматривает язык как источник сведений не только о самом языке, но и о понятийной системе и структуре сознания его носителей. Когнитивисты рассматривают язык как средство постижения самого человека, его психологических, физиологических и познавательных способностей (Miller 1976; Kubryakova 1994; Lakoff 1996; Skrebtsova 2000; Utison 2003). Когнитивная лингвистика - это направление, позволяющее выявить закономерности языковой системы с позиций обусловленности их когнитивными способами осмысления множества ситуаций, увидеть внутреннее единство лексико-фразеологической и синтаксической системы языка, детерминированное мировоззренческими и культурными факторами. Исследование паремиологических единиц в когнитивном аспекте позволяет анализировать процессы, которые в них осуществляются, указывает на соотношения языковых и когнитивных структур в

Вообще речевая деятельность как целенаправленный процесс предусматривает оперирование такими мыслительными операциями, как восприятие, понимание, интерпретация и воздействие. Модель речевой коммуникации предполагает, кроме объекта речи, еще и наличие, как минимум, двух субъектов речевого акта. Интерпретирующий подход к речи дает понимание языкового сообщения. Лишь овладев содержанием, собеседник способен выразить собственное высказывание, направленное на определенное воздействие реципиента и достижение конкретного *перлокутивного эффекта*. По мнению Д. Н. Шмелева, «различные иллокутивные акты, например, утверждение, часто имеют своей целью достижение определенного *перлокутивного эффекта*» (например, сообщение о чем-то или утверждение имеют в виду убедить в чем-то собеседника, тем более это справедливо для вопроса, просьбы или приказа, направленных на соответствующую вербальную или поведенческую реакцию адресата) (Клуцев 2002: 249). Надо отметить, не всегда перлокутивный эффект, отличный от интенций (замыслов) автора, можно рассматривать как коммуникативную неудачу. Вопрос о включении или не включении перлокуции в структуру речевого акта в теории речевых актов является спорным. Так, некоторые ученые считают, что речевой акт необходимо четко отграничивать от перлокуции, так как «последняя может и не быть достигнута при помощи языковых средств» (Kobozeva 2005: 24). Другие исследователи считают перлокуцию обязательным компонентом структуры речевого акта, полагая, что «без достижения перлокутивного эффекта речевой акт нельзя считать завершенным» (Клуцев 2002: 248).

Мы полагаем, что включение *перлокуции* в структуру речевого акта является логически верным и целесообразным: если под РА подразумевать речевое действие, то закономерной представляется необходимость анализа результатов этого действия (перлокуции).

Однако считаем еще раз отметить, что несомненную значимость в успешности речевой коммуникации представляют адресант и адресат. Причем необходима и речевая компетентность субъектов, и их личностная нравственная характеристика. Интенции, скрытые в паремиологических высказываниях, могут достичь желаемого перлокутивного эффекта, а могут быть, и проигнорированы, в зависимости от статуса, личностных данных адресанта.

паремиологии. Это объясняет актуальность исследования семантико-когнитивных процессов, возникающих при употреблении пословиц и поговорок в речевых актах, протекающих в живой фольклорной среде (дискурсе), выяснение их ассоциативных психолингвистических, этнолингвистических и культурных оснований.

2. АНАФОРИЧЕСКИЕ И КАТАФОРИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ТЕКСТЕ

Пословицы и поговорки, выявленные в рассказе “Aşıq Sirac ilə Kəmsavadın deyişməsi”³ («Состязание ашуга Сираджа с Безграмотным в импровизации стихов»), использованы в тексте в составе сверхфразовых единств. По мнению Шевченко Н. В., «предложения, входящие в состав сверхфразового единства (далее - СФЕ) и целого текста, связаны между собой не только единством темы и отношением коммуникативной прогрессии, но и разнообразными внешними сигналами, указывающими на то, что представляют собой части одного целого и образуют в своей совокупности структурное единство (2003: 104). Структурная целостность текста указывает на внешнее выражение его смысловой (тематической) и коммуникативной целостности, поэтому при описании целостности текста мы сталкиваемся с одними и теми же явлениями, которые и не могут получить достаточного объяснения при анализе изолированных предложений. Без контекста оказываются непонятными ни словосочетания, ни имена. «Они активно участвуют в установлении левосторонних и правосторонних связей между предложениями, составляющими как СФЕ, так и целый текст, выполняя, таким образом, текстообразующую функцию. Средствами же связи являются анафорические и катафорические связи между предложениями и внутри предложения между их частями» (Şevçenko 2003: 105). Надо отметить, что анафорические и катафорические связи по преимуществу выполняют: функцию связности «до цельности», не связаны семантически со всем пространством текста и не являются знаками, способными к представлению содержания текста или значительной его части в сжатом виде.

Значимость данных связей для современной лингвистики последовательно и подробно рассматривается в книге М. Мусаева «Тюркское языкознание» (2012: 217-222). М. Мусаев, ссылаясь на А.А. Залевскую, подчеркивает, что текст в современном языкознании рассматривается как состав, коммуникативно-лингвистический процесс или сбор составляющих его компонентов. Опираясь на данный состав выявленная формула «адресант-сообщение-адресат» по-новому классифицируется в плане текстовых компонентов» (Musayev 2012: 219). Анафорические связи (отношения между выражениями, состоящие в том, что в смысл одного выражения входит отсылка к предшествующему) указывают на смысловую и структурную несамостоятельность предложений, занимающих в СФЕ и тексте *срединную* и *конечную позиции*, то есть служат сигналами левосторонней связи. Катафорическое отношение противопоставляется анафорическому. Катафора как сигнал правосторонней, последующей связи свидетельствует о структурной и смысловой несамостоятельности предложения, занимающего в тексте *начальную* и *срединную позиции*. При катафорическом

³В статье в процессе исследования дается краткое содержание данного рассказа.

отношении элемент с отсылающим значением является линейно предшествующим.

2.1. Фольклорный Текст «Aşıq Sırac ilə Kəmsavadın Deyişməsi» (Состязание ашуга Сираджа с Безграмотным в импровизации стихов)

В данной статье в дискурсивно-когнитивном направлении рассматриваются наиболее интересные места из рассказа «Aşıq Sırac ilə Kəmsavadın deyışməsi» («Состязание ашуга Сираджа с Безграмотным в импровизации стихов»), в которых были употреблены пословицы и поговорки (AFA 2005: 452). Кроме этого, указывается также их текстообразующая функция, то есть анафорические и катафорические связи в тексте рассказа.

2.1.1. Сверхфразовые единства (сфе) с фразеологическими текстообразующими знаками в тексте

Надо отметить, что сказитель данного текста не известен, а собирателем был научный сотрудник института Фольклора НАНА, кандидат искусствоведческих наук Азад Озан (Керимли). Событие в рассказе происходит в августе 1964-ого года, когда шекинец по имени Алескер из Закаталы на заработки поехал в Гянджу, чтобы продать на базаре груши и кизил. По пути ему местный житель Мамед по прозвищу Безграмотный сказал, что он обычно перепродает товар, чтобы немного заработать денег. К сожалению, никто не купил кизил у Безграмотного, продукт испортился, он не заработал денег и решил написать шекинцу письмо-жалобу в стихотворной форме. И между ними началось долгое состязание в импровизации стихов.

Когда до Алескера дошло это письмо, он попросил его не распространять это по всему свету. А Безграмотный ответил ему, что он не успокоится, пока все об этом не узнают. Тогда Алескер обратился за помощью к своему земляку Ашуту Сираджу. Тот хотел примирить их, но не получилось. Безграмотный сказал ашуту, что вы ашуги поете песни на стихи, написанные нами поэтами, мол, как ты можешь мне ответить. А друзья Безграмотного иронично заметили Алескеру:

(1) «*Ay ələsgər, atalar deyiblər ki, ağır otur, batman gəl. Nə üçün yerində ağır oturmusan? Sən aşığı gətirib şair ilə qabaqlaşdırmaq istəyirsən?*» (Эй, Алескер, отцы говорили, что надо знать себе цену. А что ты так серьезно сидишь? Ты хочешь противопоставить поэту какого-то ашуга?) (AFA 2005: 454).

В данном отрывке в сложноподчиненном предложении придаточное изъяснительное состоит из идиоматического фразеологизма “*Ağır otur, batman gəl!*”, что означает «быть серьезным, степенным, знать свое место», то есть «знай себе цену, знай как вести себя, будь серьезнее» (ADİL 2006: 247; Musaoğlu 2010:189;

FSRYa 1986, 175). Хотя в словаре А. Гусейнзаде выражение “*Ağır otur, batman gəl!*” указано как пословичное изречение (2013: 13), а в словаре И. Гамидова оно вообще не указано. Это свидетельствует о том, что в состав фразеологизмов азербайджанского языка одни ученые относят все устойчивые сочетания слов, другие – ограничивают перечень фразеологизмов только определенной группой устойчивых словосочетаний. У одних ученых во фразеологию языка попадают пословицы, поговорки, присловья, крылатые слова, афоризмы, а у других – не попадают. Действительно, пословицы и поговорки сближаются с фразеологизмом своим иносказательным планом содержания. Однако смысловая природа пословицы иная, чем фразеологизма: в основе содержания выражения, передаваемого предложением-пословицей, лежит суждение, тогда как в основе лексического значения фразеологизма – то или иное понятие, чем и обладает вышеуказанное идиоматическое выражение “*Ağır otur, batman gəl!*”.

К тому же данный фразеологизм обладает катафорической связью, так как в первом случае он употреблен с иллокутивной целью, то есть идиоматическое выражение является посылом для следующего предложения, в котором оно использовано просто в локутивном аспекте.

Услышав такие упреки в свой адрес, Ашуг Сирадж прочитал свои стихи. Потом Безграмотный опять написал стихи, Ашуг Сирадж выразил свое недовольство. Тогда Безграмотный так ответил ашугу:

(2) “*Kəmsavadın şer oxumağı tamam olan kimi Aşıq Sirac dedi: Kəmsavad, yaxşı yazmışsan, ancaq bir yerdə işi korlamısan. Sənin yazdığın söz məni ötəri tutur. Lakin səni necə tutduğunu deməyə səyət. Ona görə ki, məsələsi pis gəlir. Mənim tay-tuşum olsaydın, deyərdim. Kəmsavadın Aşıq Siracə cavabı bu oldu ki, **ağlım belə kəsib**, belə də yazmışam*” (Как Безграмотный закончил прочтение своего стиха, Ашуг Сирадж сказал: - Безграмотный, хорошо написал, но в одном месте ты испортил дело. Написанные тобой слова косвенно меня затрагивают. Но я не скажу как это тебя касается, потому что дело плохо кончится. Сказал бы, если бы ты был мне ровней. Ответом Безграмотного Ашугу Сираджу был таким, что **взбрело на ум**, то и написал) (AFA 2005: 456-457).

Здесь в сложноподчиненном предложении употреблен фразеологизм “*Ağlım (belə) kəsib*”, что означает «(так) взбрело на ум» (FSRYa: 1986, 64). У данного фразеологизма имеется два варианта – утвердительный и отрицательный (“*ağlım kəsir*” и “*ağlım kəsmir*”). Безграмотный, немного изменив, использовал его в утвердительном виде – *ağlım (belə) kəsib*, что означает «(так) взбрело на ум; поверить, предположить, понять, постичь» (ADİL 2006: 59; Musaoğlu 2010: 191). Следует отметить, что данное выражение имеется в словарях пословиц А. Гусейнзаде и И. Гамидова, с указанным значением «ума не приложу» (2009:34; 2013: 13). Выражение «ума не приложу» является фразеологическим и указано в фразеологическом словаре А. И. Молоткова (FSRYa: 1986, 356). Этот фразеологизм имеет анафорическую связь, потому что она использована

Безграмотным в ответ на стихи, написанные Ашугом Сираджем, то есть она имеет функцию отсылки, связанную с предшествующим предложением.

2.1.2. Сфе с пословицами и поговорками как текстообразующими знаками в тексте

Наконец их друзья посоветовали им все-таки помириться:

(3) *Atalar deyiblər: «Az işdən çox iş çıxar». Əgər biriniz məğlub olsanız, dostlarınız arasında inciklik əmələ gələr. Kəmsavadın belə nəsihətli sözlərini eşidib dinnədiyinə görə Aşıq Sırac da elə güman etdi ki, yəqin Kəmsavad razılığa gəlib ona görə də dinnədi. Odu ki, Aşıq Sırac da hörmət məqsədi ilə yazdığı "Satarsan" və "Tutarsız" rədifli qoşmalarına cavab verməsini tələb etmədi. Beləliklə, dost kimi ayrıldılar»* (Отцы говорили: «Чем дальше в лес, тем больше дров». Если один из вас проиграет, между вашими друзьями появится обида. Безграмотный после услышанного промолчал. И Ашуг Сирадж подумал, что он согласился с этим назиданием друзей. В связи с этим Ашуг Сирадж не потребовал от него ответа на его написанные с целью уважения гошма с редифом («редиф – повторение одного или нескольких слов после рифмы в конце строки в восточной поэзии» (ARL 2006: 816) «Предашь» и «Неубедительный». Таким образом, они расстались как друзья (AFA 2005: 461).

Вот здесь мы имеем случай неудачного *перлокутивного эффекта*, который выражен вербально поговоркой «*az işdən çox iş çıxar*», то есть «не надо из мухи слона делать». В словаре А. Гусейнзаде нет такой поговорки, но есть соответствующие ей по смыслу поговорки «*iş içində iş var; iş işi açar*» («в работе дело спорится») (2013: 215). В словаре же И. Гамидова указанных поговорок нет, но есть соответствующая поговорке «*az işdən çox iş çıxar*» пословица «*işin işindən iş çıxır*», что означает «чем дальше в лес, тем больше дров» (2009: 207). В данном случае, к сожалению, перлокутивный эффект не достиг своего результата, потому что один из адресатов, Безграмотный, повел себя обманчиво. Он промолчал на этот совет друзей, а Ашуг Сирадж принял молчание Безграмотного как знак примирения с ним и решил не требовать с него ответа на свои гошма с редифом. Однако Безграмотный, не вняв назиданию друзей, опять начал писать язвительные стихи в адрес ашуга. В данном сверхфразовом единстве эта поговорка имеет и анафорическую, и катафорическую связи, потому что *az işdən çox iş çıxar* использована после долгих споров между Ашугом и Безграмотным, а также после ее употребления друзья раскрывают ее смысл Безграмотному, призывая его к тому, чтобы он перестал спорить с ашугом Сираджем.

Вскоре об этом Ашуг Сирадж услышал и сказал:

(4) *"Kəmsavad, atalar demişkən, yer qulaqlıdı. Sən mənim barəmdə hər nə danışmısansa, hamısını mənə deyiblər»* («Безграмотный, как сказали наши отцы,

слухом земля полнится. Ты обо мне кому что говорил, мне все передали» (AFA 2005: 464).

В вышеуказанном отрывке в простом распространенном предложении употреблена видоизмененная и усеченная форма пословицы “*Yer qulaqlı olar, yerin qulağı var*”, что означает «слухом земля полнится, а причудами - свет» (Hüseynzadə 2013: 386; Həmidov 2009: 356). Данная пословица также как и вышеуказанная обладает и анафорической, и катафорической связью. Анафорической связью пословица *yer qulaqlıdı* обладает в связи с тем, что до Ашуга Сираджа дошли сплетни Безграмотного, поэтому он ее и произнес. А после ее произнесения, он еще раз подчеркивает Безграмотному, что бы тот не говорил о нем он обо всем знает.

В том же отрывке Ашуг Сирадж обвиняет Безграмотного в том, что тот не ответил на его стихотворение, а после Сирадж не ответил на стихотворение Безграмотного. И здесь Ашуг употребляет в искаженной форме поговорку «*Atalar deyibdi ki, dəlilik növbəilədi*» (AFA 2005: 464), полная форма которой имеется в словарях А. Гусейнзаде и И. Гамидова: «*Dəliyə baş qoşma səni də dəli edər; Dəliyə qoşulma səni də dəli edər*», что означает «с дураком связаться – вечная память!, не дай бог с дураком связаться – сам ума-разума лишишься, дурак, кто с дураком свяжется» (2013: 115; 2009: 115). Надо отметить, что в указанных словарях пословиц и поговорок о сумасшедших довольно много, мы только указали те, которые эквивалентны поговорке в данном рассказе.

В данном случае поговорка использована в виде косвенной речи и обладает анафорической связью, так как она служит отсылкой к предшествующим предложениям.

Рассмотрим следующее место из этого рассказа. Нижеприведенный диалог между ашугом Сираджем и Безграмотным особенно привлек наше внимание. После очередного послания-стиха от ашуга Сираджа, Безграмотный уже понял, что не может на должном уровне ему ответить, поэтому, в очередной раз, решил помириться с ним.

(6) «*Aşıq Sirac ilə Kəmsavad əyləşib bir xəlvəti yerdə dedi: - Aşıq Sirac, deməli, biz bu gündən sonra dostuq, eləmi?*

Aşıq Sirac dedi: - Bəli.

Kəmsavad dedi: - Əgər biz bir-birimizlə dostuqsa, gərək sözüümüz də bir-birinə tən olsun.

Aşıq Sirac dedi: - Bəli, atalar deyib ki, “dost dostla tən gərək tən olmasa gen gərək”. Biz bir-birimizlə tən olmalıyıq!» («В скрытом месте усевшись с Ашугом Сираджем, Безграмотный сказал: - Ашугом Сирадже, значит, мы после этого друзья, так ли? Ашуг Сирадж сказал: - Да. Безграмотный сказал: - Если мы друзья, тогда наши мнения должны совпадать. Ашугом Сирадж сказал: - Да, отцы наши говорили, что «друг должен соответствовать другу, а если нет,

то они должны ходить врозь». Мы должны соответствовать друг другу») (AFA 2005: 466).

Здесь тоже имеется перлокутивный эффект. Как бы подтверждая свои искренние намерения в примирении, которое продлилось недолго, они произносят эту пословицу. Пословица «*dost dosta tən gərək tən olmasa gen gərək*» буквально означает, что «друг должен соответствовать другу, а если нет, то они должны ходить врозь», в русском языке отсутствует эквивалентная ей пословица (ARL 2006: 128; ADİL 1997: 129). В современной когнитивно-концептуальной науке подобного рода языковые и речевые единицы называются интертекстуальными, то есть они анализируются и изучаются в интерспективном аспекте (связанный с традициями и обычаями менталитета народа или национально-нравственного самосознания) (Musayev 2012: 13, 248-249). Надо отметить, что данная пословица в этом диалоге является *дискурсивнообразующей единицей*. Оба собеседника в речи используют одну и ту же пословицу. Интересно то, что пословица использована и по частям, и полностью, т.е. в зависимости от того, что именно хотел подчеркнуть собеседник. Кроме этого, эта пословица употреблена два раза в составе сложноподчиненного и один раз - простого предложения, а также имеет анафорическую связь, то есть отсылает к предшествующему предложению.

Другой отрывок из этого рассказа тоже представляется нам интересным. Ашуг Сирадж помог Безграмотному в написании стиха, который он никак не мог завершить. Однако вскоре к Ашугу Сираджу пришел Ашуг Теймур и сказал, что видел Безграмотного, прочитавшего ему свои и твои стихи. Ашуг Теймур заметил ашугу Сираджу, что написанные им стихи очень слабые. Сирадж прочитал стихи и понял, что Безграмотный преднамеренно их исковеркал. Такой поступок ему не понравился и он пошел к Безграмотному. Опять между ними произошел спор, который закончился окончательной размолвкой.

(7) «*Aşıq Sirac dedi: - Kəmsavad, mən onda səhv iş gördüm ki, səninlə barışib dost oldum. Sənin kimi namərd dostdan mərd düşmən yaxşıdır!*» («Ашуг Сирадж сказал: - Безграмотный, я тогда допустил ошибку, когда помирился с тобой и стал другом. Умный враг лучше невежественного друга!») (AFA 2005: 469).

Как видим, пословичное выражение «*namərd dostdan mərd düşmən yaxşıdır*» использовано в простом нераспространенном предложении и обладает анафорической связью, то есть отсылает к предшествующему предложению. В словарях данное пословичное выражение не зафиксировано, но имеются такие, как «*Ağillı düşmən nadan dostdan yaxşıdır; ağillı düşməndən qorxma, dəli dostan qorx!*, *Dəli dostun olunca ağillı düşmənin olsun*», что означают «умный враг лучше невежественного друга; «не бойся врага умного, бойся друга глупого»; «не бойся умного лихого, бойся смиренного дурака», «дай бог, недруга, да умного, а друг, да дурак – наплачешься»; лучше с умным в аду, чем с глупым в раю» (Hüseynzadə

2013: 12, 114; Nəmidov 2009: 31, 112). Из этого следует, что данное выражение является индивидуальной трансформацией указанных пословиц.

Эта долгая словесная перепалка дошла до ушей мастера Ашуга Исмаила, который решил прекратить этот бесконечный спор. Он никак не мог смириться с мыслью, что Ашуг Сирадж может проиграть в мастерстве Безграмотному, и поэтому пошел к Ашугу Сираджу и все выяснил. В конце долгого разговора Ашуг Сирадж сказал:

(8) «*Aşiq İsmayıl, ata-babalar, ağsaqqal kişilər deyiblər ki, zoğal ağacı bələli ağacdı. Guya onun bitdiyi yerdə cin-şeytan yığnağı olur. Belə ağacların altında bir şəxs yatarsa, yaxud istirahət edərsə o şəxs ruhi xəstəliyə, yaxud da başqa bir xəstəliyə tutula bilər. Ancaq buna baxmayaraq, ata-babaların da sözündə bir həqiqət var ki, bir yeşik zoğal alverində Kəmsavad mənimlə beş-on dəfə barışib dost olub, yənə tərsləşib kor atı minib köndələn çapır. Aşiq İsmayıl, ona görə də mən bütün nöqsanları həmin zoğalda görürəm. İndi siz qulaq asın, bu barədə sənə ətraflı deyim*» (Ашуг Сирадж рассказывает о том, что «наши праотцы говорили, что кизиловое дерево злополучное», то есть «там, где растет это дерево собираются черти-джинны. Тот, кто приляжет под кизиловым деревом отдохнуть или поспать, может заболеть или стать душевнобольным человеком. Действительно, несколько раз Безграмотный хотел помириться со мной, но все время что-то мешало этому, поэтому я во всем виню кизиловое дерево») (AFA 2005: 471).

В данном отрывке в составе сложноподчиненного предложения используется перефразированная поговорка *kor atı minib köndələn çapır* (в буквальном смысле означает, что «сев на слепого коня скачет поперек», то есть сам себе хуже делает), которой нет в данных словарях. Поговорка представляет собой односоставное предложение, обладающее анафорической связью. В словаре А. Гусейнзаде есть поговорка “*Kor atı minən şahlıq iddiası edər*”, что означает «не имея основания, претендует на престол» (2013: 228). Данной поговорки нет и в других тюркских языках. Это означает, что поговорка *kor atı minib köndələn çapır* присуща только азербайджанскому языку, то есть она является поговоркой с национально-интереспективной особенностью, о которой выше было упомянуто.

После рассказанной этой истории Ашугу Исмаилу, они оба пришли к выводу, что во всём виновато кизиловое дерево. Это предание заканчивается стихотворением, посвященным кизиловому дереву, после прочтения которого, ашуги рассмеялись и разошлись по домам.

По поводу вышесказанного кизилового дерева, хотелось бы заметить, что на ранних ступенях развития общества существовали разные формы верований, одним из которых был анимизм. Анимизм основывается на вере в существовании духа во всех существах. Основоположником этого учения является Г.Б. Тайлор. Анимистические воззрения в Азербайджане имели широкое место во всех областях. В различных образцах фольклорных жанров, в живой речи существует такая идея, что все неодушевленное обладает духом. «Например, когда срубают

дерево инжира говорят, что «его дух проклянет тебя». В полночь если выльешь горячую воду на землю, говорят, что «ты обидел дух земли». А если бросишь в птицу камень то, услышишь угрозу «бойся ее духа!»» (Həkimova 2016: 23). Г. Тайлор считает, что основой анимистического воззрения является вера в дух дерева. В связи с этим он пишет: «По ранним верованиям дерево - это не только место, где живут духи леса, а в то же время место, где существуют другие духи, связанные с деревом» (Taylor 1989: 35). Подтверждением этому по нашему мнению является вышеизложенный рассказ Ашуга Сираджа.

3. Заключение

В настоящее время современная языковедческая наука все больше внимания уделяет процессам взаимодействия речевой и мыслительной деятельности человека. Изучение языка в когнитивном и функциональном аспектах способствует пониманию его природы, связи с мышлением, поиску адекватных форм выражения мысли. Антропоцентризм, являющийся главным аспектом когнитивной лингвистики, включает в себя целый ряд проблем, касающихся процессов взаимодействия человека, языка и культуры. Жанры устного народного творчества являются ярким подтверждением указанного процесса. Ведь фольклорные произведения, отражающие область народной этики, неоднородны по своим установкам и отображаемым моделям мира. Одни жанры обнаруживают более тесную связь (функционально и тематически) с религиозной традицией, а другие - с повседневным обиходом (бытовой и обрядовой деятельности). В данной работе рассматривается повествовательный жанр несказочного фольклора - рассказ (или предание), в котором основное внимание сосредоточено на употребление в нем пословиц и поговорок.

В результате исследования было выявлено, что паремиологические директивные речевые акты в фольклорном дискурсе употребляются эксплицитно и имплицитно. Они могут выражать различные прагматические установки: призыв, моление, предостережение, перестраховку, создают разные комические ситуации. Функционируя в контекстной ситуации, паремия-директив выступает не только как текстообразующий знак, но также имеет анафорическую и катафорическую связи, то есть, своеобразно выполняя, текстообразующую функцию. Кроме того, было выявлено, что паремиологические единицы также обретают особый для себя лингвистический статус дискурсивнообразующей единицы. Современная лингвистика рассматривает текст как дискурс, который наполнен смыслом в результате взаимодействия речевых субъектов, т.е. как следствие диалогических отношений. Данные отношения - не просто обмен репликами между говорящими, а довольно непростое переплетение взаимных влияний говорящего и слушающего друг на друга и контекста - на характер и форму их отношений.

Төрək башырыа преедставляет собой диалогическую деятельность, которая «впитывает в себя» контекст. Паремнологические единицы становятся выразительными в месте его контакта с реальной действительностью, под влиянием такой реальной ситуации, которая отражается индивидуальным высказыванием. И при понимании какого-либо высказывания важен не только непосредственный контекст, в котором происходит диалог, но и предыдущий и последующий контексты, в которых возможны изменения; высказывание требует понимания в единстве восприятия и отклика, вопроса и ответа, которые делают диалог прототипом реального общения и вербального творчества.

Таким образом, проведенное нами исследование можно рассматривать как доказательство для правомерности признания лингвистического статуса пословиц и поговорок как полноправных единиц фольклорного дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

- ADİL: *Azərbaycan dilinin izahlı lüğəti*, C.I (2006), redaktor A. Axundov, AMEA Dilçilik İnstitutu, Bakı: Şərq-Qərb.
- ARL: *Azərbaycanca-rusca lüğət*, C.I, III, (2006), Bakı Slavyan Universiteti, Bakı: Şərq-Qərb.
- AFA: *Azərbaycan folkloru antologiyası. Şəki-Zaqatala folkloru*, C.XIII, (2005), Tərtibçilər: İ.Abbaslı, O.Əliyev, M. Abdullayeva, elmi redaktor: H. İsmayilov, Bakı: Səda.
- FES: *Filosoofski Entsiklopediçeskiy Slovar'*, (1983), Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya.
- FSRYa: *Frazeologičeskiy slovar' russkogo yazıka*, (1986), Redaktor A. İ. Molotkov, Moskva: Russkiy yazık.
- GAMİDOV, İ.G. (2001), "O razgraniçenii poslovits i pogovorok", *Filologičeskiy sbornik posvyaşçenniy 80-letiyu prof. M.T. Tagiyeva*, Bakı: Bakı Slavyan Universiteti, 238-251.
- HƏKİMOVA, Nübar ve TUNCAY, Bəxtiyar (2016), *Mifoloji təfəkkürün xalq təbəətindəki izləri*, Bakı: AMEA Folklor İnstitutu.
- HƏMİDOV, İ., vd. (2009), *Azərbaycanca-rusca, Rusca-azərbaycanca atalar sözləri və zərbi-məsəllər lüğəti*, Bakı: Təhsil.
- HÜSEYNZADƏ, Əbülqasım. (2013), *Atalar sözləri və məsəllər*, Bakı: Elm və təhsil.
- KARAAĞAÇ, Günay (2013), *Dil Bilimi terimleri Sözlüğü*, Ankara: Türk Dil Kurumu Yayınları.
- KARASİK, V.İ. (1997), Subkategorial'nyy klaster temporal'nosti: (k xarakteristike yazıkovıx kontseptov), *Kontsepti: nauçnie trudy Tsentrokontseptu*, Arxangel'sk, 154-171.
- KARPOV, Q.K. (2008), "Pragmatika reçevih deystviy: kommunikativnaya xarakteristika i perlokutivniy effekt", *Vita Cogitas, SPb.*, s. 356, URL: <http://logic.philosophy.pu.ru>. [Erişim: 20.04.2017]
- KLYUYEV, Ye.V. (2002), *Reçevaya kommunikatsiya*, Moskva: Ripol Klassik.
- KOBOZEVA, İ.M. (2005), "Lingvopraqmatičeskiy aspekt yazıkı SMİ". URL: <http://evartist.narod.ru>. Moskva, MGU. [Erişim: 10.04.2017].
- KUBRYAKOVA, Ye.S., vd. (1996), *Kratkiy slovar' kognitivnih terminov*, Moskva: Moskovskiy Gosudarstvenniy Universitet.

- KUBRYAKOVA, Ye. S. (1994), "Naçal'niye etapi stanovleniya kognitivizma: lingvistika psihologiya - kognitivnaya nauka", *Voprosi yazikoznaniya*, No 4, Moskva: Nauka, 34-47.
- LAKOFF, C. (1996), "Kognitivnoye modelirovaniye", *Yazık i intellekt*, Moskva: Progress, 151-184.
- LES: *Lingvistiçeskiy Entsiklopediçeskiy Slovar'* (1990), Moskva: Sovetskaya Entsiklopediya.
- MILLER, G. (1976), *Language and perception Text.*, Cambridge.
- MUSAYEV, Mehman (2012), *Türkoloji dilçilik*, Bakı Slavyan Universiteti, Bakı: Mütərcim.
- MUSAOĞLU, Mehman (2010), *Kamal Abdullanın Eserleri Türkiye Türkçesinde*, Ankara: Kültür Ajans Yayınları.
- MUSAOĞLU, Mehman ve Kirişcioğlu, Fatih (2016), "Göktürk Metninin Kavramsal, Semiyotik ve Sentaktik Yapısının Karşılaştırmalı İncelenmesine İlişkin Deneme". *Türkologiya Dergisi* No 3, Bakı: Azərbaycan Milli İlimler Akademisi.
- RYADÇIKOVA, Ye.N. ve Gorban', İ. (2003), "Rol' paremiy v reçevom akte", *Sovremennoye russkoye yazikoznaniye i lingvodidaktika, Sbornik materialov Mejdunar.yubileynoy nauçno-prakt.konf., posv. 80-letiyu akademika RAO N.M. Şanskogo*, Moskva: MGOU, 282-285.
- SKREBTSOVA, T.G. (2000), *Amerikanskaya şkola kognitivnoy lingvistiki*, SPb: Anatoliya.
- STEPANOV, Yu.S. (1995), "Al'ternativny mir. Diskurs. Fakt i printsip Priçinnosti", *Yazık i nauka kontsa XX veka*, Moskva: Institut yazikoznaniya RAN, 35-73.
- ŞEVÇENKO, N.V. (2003), *Osnovi lingvistiki teksta, uçebnoye posobiye.*, Moskva: Prior-izdat.
- TAYLOR, G.B. (1989), *Pervobitnaya kul'turologiya*, Moskva: Politizdat.
- URISON, Ye.V. (2003), *Problemi issledovaniya yazikovoy kartini mira: Analogiya v semantike*, Moskva: Yaziki slavyanskoy kul'turi.
- VEYSƏLLİ, Fəxrəddin (2015), *Kognitiv dilçilik: əsas anlayışları və perspektivləri*, Bakı: Mütərcim